

*Э. Лёверс**

ФРАНЦУЗСКАЯ АДВОКАТУРА ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ИМПЕРИИ

В 1790 г. Национальное собрание расправилось с адвокатами. С этого момента любой гражданин, даже если он не был практикующим юристом, мог защищать кого-либо в суде: защита перестала быть монополией профессионалов. Не было больше никаких адвокатов – теперь это были «неофициальные защитники»... Десять лет спустя Бонапарт задумал глубокую реорганизацию правовой системы: он решил, что судьи отныне будут назначаться, а не избираться, как это было во времена Революции. В 1804 г. он восстановил также институт адвокатуры, а в 1810 г. – коллегии адвокатов (*ordres d'avocats*). В годы Империи эти решения были встречены достаточно благосклонно. В 1810 г. многим адвокатам казалось, что происходящее есть не что иное как возрождение ассоциаций, исчезнувших в ходе Революции. Однако такое толкование декрета 1810 г. не вполне соответствовало действительности: декрет Наполеона не «восстанавливал» коллегии адвокатов Старого порядка; он обновлял их, создавал заново. Адвокатура времен Империи – это, в некотором смысле, такое же дитя Революции, как и сам Наполеон.

Ключевые слова: история, Франция, адвокатура, Французская революция, империя Наполеона

Цитирование: Лёверс Э. Французская адвокатура от Революции к империи. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-36-51 // Французский ежегодник. 2020. Т. 53. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 36-51.

Поступила в редакцию 12.04.2020

Принята к печати 16.05.2020

Hervé Leuwers

THE FRENCH BAR FROM REVOLUTION TO EMPIRE

In 1790, the National Assembly did away with the barristers. From that time on, any citizen (even if he was not a legal practitioner) could defend someone in court. Defence ceased to be a professional monopoly. There

* *Эрве Лёверс, профессор Университета Лилля, herve.leuwers@laposte.net
Hervé Leuwers, Professor of the Lille University, herve.leuwers@laposte.net*

were no longer any barristers, there were now "unofficial defenders"... Ten years later, Bonaparte wanted an in-depth reorganization of the legal system; he decided that judges would be appointed and no longer elected, as they had been under the Revolution; in 1804, he restores the barristers, and the bar associations (*ordres d'avocats*) in 1810. At the time of the Empire, these decisions was fairly well-received. In 1810, many barristers were under the impression that they were witnessing the rebirth of the associations that had disappeared with the Revolution. This interpretation of the 1810 decree is nonetheless misleading. Napoleon's decree did not "restore" the Bar Associations of the Old Regime, it reinvented them, it created them again. The imperial bar is, in a way, the son of the Revolution, like Napoleon.

Keywords: history, France, the bar, French Revolution, Napoleonic Empire

For citation: Leuwers H. (2020). Francuzskaja advokatura ot Revoljucii k Imperii [The French Bar from Revolution to Empire] DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-36-51. *Annual of French Studies 2020*. Vol. 53. Moscow: IVI RAN, 2020. P. 36-51.

Submitted: 12.04.2020

Accepted: 16.05.2020

В истории французской адвокатуры революционное десятилетие занимает особое место. Долгое время оно рассматривалось в историографии как своего рода временное явление, неудавшийся эксперимент, на короткий срок прервавший многовековую историю адвокатской профессии. В самом деле, на десять с лишним лет «адвокаты» лишились своего звания и перестали носить мантию. Однако 13 марта 1804 г. (22 вантоза XII года) их восстановили в правах, а спустя еще шесть лет (14 декабря 1810 г.) они вновь обрели свои местные профессиональные организации – «коллегии адвокатов» (*les Ordres d'avocats*)¹. При Империи многие адвокаты приветствовали *восстановление* своей профессии, как если бы Революция на ней никак не отразилась. Так, в 1811 г. дуайен коллегии адвокатов Руана заявил, что «пока шла Революция, общество пребывало в спячке»². Между тем, эта идея заслуживает

¹ См.: *Leuwers H. L'invention du barreau français, 1660-1830. La construction nationale d'un groupe professionnel*. P., 2006. P. 231-330; *Burrage M. Revolution and the Making of the Contemporary Legal Profession. England, France, and the United States*. Oxford, 2006. P. 79-95; *Fitzsimmons M. The Parisian Order of Barristers and the French Revolution*. Cambridge (Mas.), L., 1987.

² Archives de l'Ordre des avocats de Rouen. Registre 1811-1852. Assemblée générale du 29 avril 1811.

обсуждения – уж очень непохожа была адвокатура времен Империи на свой прообраз периода Старого порядка. Действительно ли Наполеон *восстановил* этот институт в прежнем виде или же он кардинально его переосмыслил?

Для начала напомним некоторые факты. Во Франции, при Старом порядке, стороны в судебном заседании сопровождали два профессионала. Первый из них – «прокурор», который, не имея университетского диплома, являлся офицье, собственником своей должности, в чьи обязанности входило осуществление процессуальных действий в суде. А вот совет и защита были прерогативой «адвоката», который, будучи дипломированным юристом, выполнял работу по своему усмотрению и, соответственно, не являлся собственником своей должности. И те и другие имели свои местные организации, первые – «сообщества прокуроров», вторые – «коллегии адвокатов». Однако в первые же годы Революции должности прокурора и адвоката были упразднены, так же как и их профессиональные объединения. Отныне защита становилась свободной и могла осуществляться любым гражданином – даже теми, кто не имел юридического образования.

Этот переворот произошел уже в годы Учредительного собрания (1789-1791). В дополнительном декрете об организации органов правосудия от 2-11 сентября 1790 г. депутаты поясняли, что «юристы, прежде именовавшиеся адвокатами, не должны образовывать ни коллегий, ни корпораций и не могут носить никакой специальной одежды при исполнении своих обязанностей»³. Этой фразой закон упразднял не только профессиональные организации адвокатов («не должны образовывать ни коллегий, ни корпораций»), но и само звание «адвоката» («прежде именовавшиеся адвокатами»), а также адвокатскую мантию («никакой специальной одежды»). Месяцем ранее, декретом от 16-24 августа 1790 г. за каждым гражданином признавалось право защищать самого себя в суде, как в гражданском, так и в уголовном процессе; а еще через несколько месяцев, согласно одному из декретов 1791 г., защита стала доступной любому гражданину, который того пожелает, а также новому действующему лицу – «поверенному», который уполномочивался исполнять прежние обязанности как адвоката, так и прокурора.

³ *Duvergier J.-B.* Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, avis du Conseil d'Etat. P., 1834-1838. 30 vol. T. I. P. 354-355.

С учетом сказанного история адвокатуры демонстрирует наличие парадокса в постановке вопроса о влиянии Революции на обновление этого института. В самом деле, каким образом момент, приведший к упразднению адвоката и коллегии, момент небытия профессионала и его организации, может считаться моментом основания чего-то нового? Разумеется, парадокс этот лишь кажущийся. Упраздняя, Революция в то же время создавала. Благодаря ей профессия обрела революционную историю, которая переживалась как травма, что привело к тому, что коллегия стала рассматриваться в качестве необходимого гаранта профессиональной независимости. Революция позволила Наполеону перестроить деятельность и структуры адвокатской профессии, отчасти (лишь отчасти!) основываясь на прошлом. Наконец, Революция привела к новому пониманию истории адвокатуры века Просвещения.

Опыт Революции

Каковы бы ни были внешние проявления, революционные события не означали прерывания истории адвокатуры. Да, исчезли звание и статус, но многие юристы продолжали заниматься своим делом, кто-то более регулярно, кто-то менее. И все же, восприятие и формы профессиональной деятельности изменились. В самом деле, как не изумляться бурному развитию уголовного процесса, который утвердился в качестве нового жанра, регламентируемого постепенно совершенствующимися кодексами⁴? И как не удивляться резкому спаду интереса к ведению протоколов дела (*factums*)⁵? Революционное десятилетие было временем активного экспериментирования, оказавшего глубокое влияние на современников.

Для тех, кто в начале XIX в. принимал участие в перестройке своей профессиональной деятельности, Революция не сводилась к упразднению статуса «адвоката» и «коллегий»; за этим упразднением стояла ни много ни мало переоценка общественной полезности адвоката. Уже в первые месяцы Революции вера в закон, который виделся депутатам простым и общедоступным, казалась, сделала защитника в судебном заседании не таким уж необходимым. Революционеры надеялись, что со временем разнообразие

⁴ *Royer J.-P.* Parole d'avocat... Remarques sur la plaidoirie pénale, de la fin de l'Ancien Régime à la Révolution // *Droits*. № 17. 1993. P. 99-112.

⁵ *Leuwens H.* Defence in Writing. The End of the Printed Legal Brief (France, 1788-1792) ? // *Quaderni Storici*. 3-2012. Dicembre. P. 723-744.

региональных правовых норм исчезнет, уступив место «единому своду простых, ясных и сообразующихся с конституцией законов». Такой свод, действительно, будет разработан, но лишь в годы Консульства, и это будет Гражданский кодекс⁶. В области же уголовного права кодификация была завершена еще при Учредительном собрании (1791)⁷. Все эти процессы позволяли надеяться, что настанет день, когда любой гражданин сможет защищать себя в суде – самолично или с помощью друга, но без содействия профессионального защитника...

И вот, в начале Революции, Собрание стало лишать бывших адвокатов исков по гражданским делам. Стремясь ограничить функции профессиональной юстиции, депутаты приветствовали разрешение различных конфликтов с помощью арбитражных или согласительных процедур, то есть без участия судей⁸. Так, например, весьма символично, что первая глава декрета от 16-24 августа 1790 г. была посвящена «арбитрам», набравшимся из простых граждан. Арбитраж преподносился как наиболее естественный и разумный способ разрешения всех вообще частных споров «без исключения». В 1790 г. арбитраж даже стал обязателен в некоторых областях, таких, например, как семейные отношения⁹. В отсутствие собственно арбитража, при разрешении мелких гражданских споров все равно надлежало избегать обращения к профессиональной юстиции, поскольку подобные дела относились, по крайней мере на начальном этапе, к ведению «мирового судьи», избираемого безотносительно его юридической компетентности. Таким образом, депутаты ввели фильтры для доступа к «окружному суду», который – во всяком случае, до 1792 г. – состоял из судей, избираемых из числа профессиональных юристов.

Правда, для бывших адвокатов теперь открывалось новое поле правозащитной деятельности – уголовная юстиция. В конце XVIII в. уголовные преступники не имели права на адвоката; перед судьей они должны были защищать себя сами, без поддержки защитника. Этот пункт уголовного ордонанса 1670 г. был изменен декретом от 8 октября – 3 ноября 1789 г., установившим для обвиняемого

⁶ Halpérin J.-L. L'impossible Code civil. P., 1992. P. 77-107.

⁷ Lascoumes P., Poncela P., Lenoël P. Au nom de l'ordre. Une histoire politique du code pénal. P., 1989. P. 88-151.

⁸ Royer J.-P. et alii. Histoire de la justice en France. 4e éd. P., 2010. P. 260-270.

⁹ Jallamion C. Arbitrage forcé et justice d'Etat pendant la Révolution française d'après l'exemple de Montpellier // Annales historiques de la Révolution française. 2007-4. P. 70-77.

комплекс гарантий и позволявшим ему, в частности, прибегать к сторонней помощи. Для профессионалов защиты открылась новая перспектива, важнейшей составляющей которой было ведение защиты по уголовным делам¹⁰. Впрочем, эта защита, как доказывают примеры Дуэ, Пуатье и Монпелье, была доступна также для бывших прокуроров и даже для некоторых других лиц, не связанных с Фемидой¹¹.

Хотя введение защиты по уголовным делам не могло компенсировать уменьшения количества гражданских дел, бывшие адвокаты остались главными действующими лицами системы правосудия¹². Однако тот, кого теперь стали называть «юристом», более не имел никакой профессиональной монополии. Отныне рядом с ним возникает фигура нового служителя правосудия – «поверенного», учрежденного законом от 29 января – 20 марта 1791 г. Конечно, его роль состояла прежде всего в том, чтобы заниматься процедурными вопросами, как это делал прокурор, на смену которому он пришел, но он также получал право защищать своих клиентов. В этом смысле он был не просто копией прокурора, а профессионалом, который мог бы одновременно заменить и прокуроров, и адвокатов¹³. Но даже когда упрощение гражданского судопроизводства привело к исчезновению функции «поверенного» (1793), восстановленной лишь в 1800 г., продолжавшие практиковать бывшие адвокаты все равно не смогли вернуть себе прежнюю монополию. Они должны были считаться с настоящей свободой защиты, которая стала реальностью со времен Учредительного собрания. Ведь теперь любой гражданин мог защищать себя в суде сам или заниматься защитой родственника, друга или соседа. Этот защитник нового типа стал называться «официальным защитником».

В самом начале XIX в. эксперимент со свободной защитой постепенно сошел на нет, а профессии поверенного и адвоката подверглись реорганизации. Здесь следует отметить три важнейших вехи. Первая приходится на начало Консульства, когда Бонапарт предпринял радикальную реорганизацию системы правосудия.

¹⁰ Lafon J.L. La Révolution française face au système judiciaire d'Ancien Régime. Genève, 2001. P. 74-79 ; Royer J.-P. Op. cit. P. 104-112.

¹¹ Derasse N. La défense dans le procès criminel sous la Révolution et le Premier Empire (1789-1810) : les mutations d'une fonction et d'une procédure/ Thèse de doctorat. Dir. J.-P. Royer. Lille II, 1998. P. 102-108, 148-158.

¹² Duvergier J.-B. Op. cit. T. 1. P. 354-355. Article 5.

¹³ Leuwers H. L'invention du barreau français. P. 253.

Он изменил карту юрисдикций и решил, что судьи отныне будут назначаться, а не избираться, как это было во время Революции. Первый консул распорядился также передать защиту в руки профессионалов, и именно с этой целью были восстановлены «поверенные» (27 вантоза VIII года – 18 марта 1800 г.). Эта, отныне регламентированная, профессия – в отличие от того, что она собой представляла в 1791 г. – не могла не заинтересовать бывших адвокатов, которые решили заняться ею наряду с бывшими прокурорами, бывшими нотариусами и другим судебным персоналом периода Революции. Для многих возрождение функции поверенного стало предвестием возрождения адвоката. Что и произошло – и это вторая важная веха! – с принятием закона 22 вантоза XII года (13 марта 1804 г.), восстановившего звание адвоката и учредившего «список» («tableau»), составляемый судьями, где перечислялись лица, имеющие право заниматься данной профессией. Наконец, императорским декретом от 14 декабря 1810 г., «содержавшим регламент деятельности адвокатов и дисциплины адвокатского сообщества», государство заново организовало при каждой юрисдикции коллегии адвокатов. Многие увидели в этом «восстановление» прежней адвокатуры.

Разумеется, все было не так просто, ибо революционное десятилетие неизбежно трансформировало профессию, ее практики, ее отношение к государству. Некоторые из этих изменений были совершенно очевидны для современников. Тем не менее, для адвокатов периода Империи было важно воссоздать себя заново относительно некоего идеализированного прошлого, что позволило бы отбросить печальный опыт, пережитый во время Революции. Их явно не устраивала «свобода» так называемого «официального защитника» 1790-х гг., и они выступали против его «лицензии» на ведение дел. Точно так же, отсутствие коллегий, по их мнению, ставило под угрозу коллективную независимость группы: перед лицом судей они были всего лишь отдельными участниками процесса, не имевшими коллективных средств сопротивления, а перед лицом государства они были вынуждены подчиняться распространявшемуся на них законодательству, восходившему, в частности, к эпохе Террора (требование предоставить «свидетельство о благонадежности» для ведения практики), не имея возможности выразить свое несогласие иначе, как покинув в гордом одиночестве зал суда.

Коллегии адвокатов как гарантия свободы защиты

Для большинства адвокатов 1800-х гг. – и тех, кто имел практику еще до Революции, и новоиспеченных – свобода и независимость были немыслимы вне цеховой организации («коллегий»), восстановления которой они ожидали от Наполеона. Их убежденность подпитывалась резко негативной оценкой «официальных защитников» времен Революции, чья автономия, по их мнению, переродилась в «лицензию». Эта убежденность возникла достаточно давно, и уже в период Директории законодательная власть делала попытки реорганизовать судебную защиту, но тщетно¹⁴. По мнению члена Конвента Тибодо, бывшего адвоката из Пуатье, «адвокатура, прославившая себя недюжинными талантами, высокими добродетелями и славными воспоминаниями, ныне низко пала. На смену товариществам адвокатов, этим неприкосновенным прибежищам образованности, неподкупности, независимости, чести, пришел всякий сброд из числа официальных защитников, которые, родившись в анархии, воспользовались свободой, чтобы без образования и без титула получить доступ к судам и осквернить святилище правосудия»¹⁵. Независимость, как она мыслилась в период Империи, более чем когда-либо была именно институционально оформленной независимостью: коллегия рассматривалась как «прибежище независимости». Здесь прослеживается влияние идей канцлера Д'Агессо, который видел в «добропорядочности» залог независимости адвоката. По его мнению, добропорядочность «делает человека совершенно свободным лишь тогда, когда она его полностью подчинила законам его профессионального долга». После Революции многие считали коллегиям лучшим гарантом такого подчинения адвоката «законам своего долга».

Впрочем, если коллегия и принуждала, то она же и защищала, гарантируя коллективную независимость сообщества перед лицом его главных оппонентов, в первую очередь, судей. Против них коллегия могла служить противовесом. При Старом порядке частые прерывания речи защитника или замечания адвокату вызывали коллективную реакцию коллегии, вплоть до срыва судебных слушаний. Точно так же, стремясь избежать цензуры со стороны судей, многие адвокаты времен Старого порядка пытались

¹⁴ *Fitzsimmons M.* Op. cit. P. 123-127.

¹⁵ *Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. T. 2. P. 355.

расширить свои дисциплинарные полномочия с тем, чтобы самим наказывать коллег, отошедших от профессиональных правил.

В годы, предшествовавшие декрету 1810 г., память об этой коллективной силе была жива как никогда. Таким образом, еще до того, как государство восстановило коллегии, их пытались вернуть к жизни сами адвокаты. В этом плане наиболее известная инициатива родилась в Париже. Речь идет об имуществе, завещанном неким Фереем столичной коллегии адвокатов (которой еще не существовало), «под каким бы именем Е[го] В[еличество] император и король ни счел нужным ее восстановить». Даря ей книги и деньги на открытие, а затем и на содержание библиотеки, этот адвокат как бы предвосхищал восстановление профессиональной организации. А выданное Наполеоном в 1808 г. разрешение завещать это имущество было воспринято как обещание восстановить коллегия¹⁶.

В разной степени влияя на подготовку декрета 1810 г., инициативы многих товариществ адвокатов помогали уточнить ожидания, связываемые с этими институциональными структурами. Так, в Бордо, из-за одного дисциплинарного вопроса сообщество адвокатов провело настоящую реорганизацию коллегии в период с мая по июль 1806 г. После того, как его решение не поддерживать «никаких отношений братства» с адвокатом, обвиненным в мошенничестве, было одобрено магистратами апелляционного суда, а также Верховным судьей (министром юстиции), бордоские адвокаты назначили двух «комиссаров-синдиков», которые должны были, вместе со старейшим адвокатом – «дуайеном» Брошоном, следить за сохранением профессионального достоинства¹⁷. Аналогичные инициативы можно было видеть в Анже, где старейший член коллегии принял звание батонье (1806), в Клермон-Ферране, где тремя годами позже такое же звание присвоили бывшему адвокату (1809); еще одна подобная инициатива имела место в Гренобле, где в 1807 г. собратья поставили во главе своего объединения трех «синдиков»¹⁸...

Таковыми спонтанными действиями адвокаты выражали свое желание коллективно обеспечивать поддержание профессиональной

¹⁶ *Ozanam Y.* Les avocats parisiens dans le premier tiers du XIXe siècle : entre passé et présent, la recherche d'une identité collective // *Elites et sociabilité au XIXe siècle. Héritages, identités* / Sous dir. De H. Leuwers. Villeneuve-d'Ascq, 2001. P. 162-163.

¹⁷ Archives de l'Ordre des avocats de Bordeaux. Mémorial 1806-1829. P. 3-11 (1806 et 1808).

¹⁸ Об этих инициативах см.: *Leuwers H.* L'invention du barreau français. P. 269-271.

дисциплины в своих рядах, без вмешательства государства и судей. Они также стремились свободно определять границы своего сообщества с тем, чтобы принимать в него только тех, кто показал себя достойным профессии. Так, в Гренобле члены коллегии, называвшегося тогда «college», были кооптированы в ходе двух августовских ассамблей 1807 г. Такой же контроль за доступом к профессии был установлен и в Клермон-Ферране, где через месяц после первой ассамблеи коллегии (6 марта 1809 г.) адвокаты выступили с инициативой разработки «списка» и установили для своих младших собратьев «трехлетний испытательный срок»¹⁹.

Как представляется, в первые годы XIX в. адвокаты пребывали в убеждении, что их свобода и независимость могут быть гарантированы «коллегиями», и потому требовали их реорганизации. Однако восстановление их Наполеоном в 1810 г. произойдет не совсем так, как они ожидали.

Коллегии, преобразованные Наполеоном

В системе судебных органов Империи коллегии, заново созданные Наполеоном, были уже не такими, как в конце Старого порядка. Конечно, в своих речах профессионалы неустанно повторяли, что «коллегии» были «восстановлены», но разве могли современники не разглядеть за словами масштабных изменений? Фактически, замалчивание этих изменений стало их своеобразным одобрением: адвокаты по всей Франции согласились с общенациональной унификацией своих профессиональных структур.

До 1789 г. французские коллегии не имели единообразного устройства, а в их практиках наблюдались местные особенности... Профессиональные структуры различались от провинции к провинции, а часто – от города к городу. Правда, к концу Старого порядка в каждом судебном округе сложилось определенное единство терминологии: были провинции, где глава коллегии именовался «синдиком» (Нормандия, Гиень, Прованс, Дофине), а были такие, где его называли «батонье» (Париж, Лангедок, Бретань). Кроме того, организованное адвокатское сообщество теперь повсюду называлась «коллегией», хотя некоторые провинции продолжали параллельно использовать особые наименования, как, например, «collège» в Нормандии²⁰. Однако масштабы этих про-

¹⁹ Archives de l'Ordre des avocats de Grenoble. Carton 69. Dossier divers. Pièce 3. Archives de l'Ordre des avocats de Clermont-Ferrand. Registre 1809-1885. 21 avril 1809.

²⁰ *Leuwers H.* L'invention du barreau français. P. 85-86.

цессов не следует преувеличивать, о чем свидетельствует разнообразие некоторых обычаев. В качестве примера можно привести тот факт, что требование оплаты услуг адвокатов в судебном заседании некоторыми парламентами удовлетворялось (Бордо, Дуэ, Гренобль), а некоторыми отклонялось (Париж, Анже, Тулуза)²¹... Разнообразие было правилом.

С учреждением в 1810 г. в Империи коллегий устройство адвокатских объединений изменилось и по форме и по содержанию: эта реорганизация, провозглашенная императорским декретом, отражала волю Наполеона, стремившегося навязать адвокатам единообразные структуры. Инициатива исходила сверху. Если унификация структур адвокатуры и принятие общего профессионального лексикона (батонье, дисциплинарный совет) не вызывали у адвокатов особых возражений, то вмешательство государства было воспринято ими не столь единодушно. Именно Наполеон выдвинул инициативу общенациональной реорганизации, именно он установил ее правила и стал их применять, оставив министру реальную власть для контроля за дисциплиной адвокатов. Таким образом, предоставленная независимость была ограниченной: в коллегиях, насчитывавших более двадцати членов – а только для таких коллегий были предусмотрены собрания, обладавшие правом принимать решения и называемые «дисциплинарным советом», – члены этого совета и батонье избирались «генеральным прокурором» (судьей) из списка кандидатов, предоставленного адвокатами; право выступать вне судебной инстанции регулировалось законом; дисциплинарные полномочия были поделены между коллегиями, магистратами и министром; любые забастовки запрещались... Это государственное регулирование будет в скором времени опротестовано представителями профессии, которые, начиная с Первой Реставрации, станут требовать для себя большей независимости. Однако добьются они ее лишь после Июльской революции 1830 г., когда адвокатские объединения получат право свободно назначать своих батонье²².

Взаимоотношения с государством были не единственной сферой, где адвокаты наполеоновской империи оказались вынуждены пересмотреть свои представления о независимости. Так, декрет 14 декабря 1810 г. содержал обязательный для всей страны пере-

²¹ *Ibid.* P. 38-39, 195-196.

²² Об этапах этого отвоевания между 1822 и 1830 гг. см.: *Ibid.* P. 283-289.

чень профессий, несовместимых с адвокатским званием, а потому запрещенных адвокатам. В статье 18 этого декрета уточнялось, что данная профессия несовместима с «любыми местами в судебной системе, кроме места внештатного сотрудника», «с обязанностями префекта и заместителя префекта», «с обязанностями секретаря суда, нотариуса и поверенного», «с работой по найму и функциями бухгалтера», «с любыми видами коммерции», а также с «занятиями, связанными с торговым посредничеством». Эти предписания запрещали некогда распространенное совмещение обязанностей, которое иногда позволяло адвокату времен Старого порядка нередко занимать должность сеньориального судьи или находиться на государственной службе, например, в должности субинтенданта. К тому же устанавливалось единообразие правил на всей территории страны с отменой тех исключений, которые, например, позволяли в некоторых местах совмещать обязанности адвоката и нотариуса. На этот раз адвокаты приняли нововведение без проблем. Последующий отказ от судебного преследования за адвокатские гонорары произошел с той же легкостью, хотя исключения все еще встречались (Бурж)²³.

Между тем, это ускорение унификации адвокатских объединений, ставшее возможным благодаря вмешательству государства, не всегда воспринималось как новшество. По мнению многих адвокатов, то, что сделал Наполеон, было всего лишь восстановлением свободы их предшественников, действовавших при Старом порядке. Такое убеждение было основано на новой версии истории профессиональной группы, которая, впрочем, создавалась не только в период Империи: еще более она упрочилась в период Реставрации, когда адвокаты попытались воспользоваться сменой власти для того, чтобы добиться большей свободы.

Независимость адвокатуры эпохи Просвещения: переписанная история

Для адвокатов эпохи Империи история была, прежде всего, оружием. Для того, чтобы воссоздать свою профессию, чтобы вновь утвердить свою независимость, наилучшими аргументами им казались обычаи и практики их предшественников, которые следовало возродить, чтобы «восстановить» несправедливо нарушен-

²³ Постановление суда в Бурже от 26 апреля 1830 г. См. также постановление суда в Гренобле от 30 июля 1821 г. в: *Dalloz D. Répertoire méthodique et alphabétique de législation, de doctrine et de jurisprudence*. Paris : Bureau de la jurisprudence générale. T. 5. 1847. P. 506-507.

ное положение вещей. Поэтому адвокаты апеллировали к истории в своих публичных заявлениях, посредством которых стремились добиться большей свободы от государства и судей, как в исполнении своих обязанностей (свобода выступать вне юрисдикции суда и самостоятельное поддержание дисциплины), так и в управлении коллегией (право свободно избирать своего батонье). От Дуэ до Экс-ан-Прованса, от Парижа до Ренна или Бордо эта борьба за права адвокатуры опиралась на историю, переписываемую заново и изобилующую неточностями и умолчаниями. Чтобы понять ее логику, необходимо рассматривать конкретную ситуацию на местах и избегать обобщений – ведь в каждой коллегии бытовало собственное прочтение прошлого, отражавшее специфику ее опыта. Так, в Бордо идеализация прошлого стала особенно заметна в 1814 г. при Первой Реставрации. В тот момент, в своей просьбе к министру юстиции бордоская коллегия пыталась добиться пересмотра декрета 1810 г., требуя реального восстановления утраченных свобод.

Приводимые доказательства, однако, были весьма далеки от исторической истины. Так, в ходатайстве коллегии Бордо утверждалось, что она якобы «во все времена» сама составляла «список» своих членов, хотя до конца XVII в. никаких свидетельств на этот счет нет. Также заявлялось, что коллегия была «лишена столь естественного, столь давно признанного и ставшего неотъемлемым права», как право назначать своего главу, в то время как свободное назначение этого последнего было введено лишь во второй половине XVIII в. В ходатайстве говорилось, что право коллегии наказывать своих непорядочных собратьев «соблюдалось во все времена», но при этом умалчивалось о том, что в XVIII в. это право неоднократно ставилось под сомнение²⁴. Выдавая свои притязания за реальные права, подчеркивая древность своих практик, адвокаты Бордо давали понять, что когда-то они пользовались той же свободой и той же независимостью, что и их столичные собратья.

Такие же заявления делались и представителями многих других адвокатских объединений: в Ренне, Анже, Руане, Гренобле... Чтобы придать своим требованиям историческую легитимность, адвокатские товарищества весьма вольно обращались с фактами: там, где их предшественниками руководили «синдики», они назы-

²⁴ Archives de l'Ordre des avocats de Bordeaux. Mémorial 1811-1829. 17 octobre 1814. См.: *Leuwers H. L'invention du barreau français*. P. 348-356.

вали их «батонье»; там, где те пользовались ограниченными дисциплинарными полномочиями, они уверяли, что эти полномочия были абсолютными; там, где те выражали желание контролировать свой список и, в частности, иметь право принимать или отклонять кандидатуры новых членов, они утверждали, что это право было признано очень давно... Таким образом, между Первой Реставрацией (1814) и Июльской монархией (1830) борьба коллегий велась во имя якобы существовавшей независимости дореволюционной адвокатуры. Адвокаты переписывали свою историю.

Однако за всеми этими усилиями по переписыванию скрывался один важнейший сдвиг. В XVIII в. независимость адвоката существовала не только в силу профессиональных причин. Она, конечно, считалась необходимой для надлежащего исполнения профессиональных обязанностей, но, кроме того, являлась аргументом для обоснования чести профессии, а, точнее, ее благородства. Не вдаваясь здесь в подробности разнообразия социального состава членов адвокатских коллегий (некоторые из них были дворянами, другие – простолюдинами), следует напомнить о том, что статус адвоката позволял претендовать на дворянство, а также о том, что в адвокатских коллегиях парламентов (главных судов королевства) существовало требование о предоставлении ненаследственного дворянства, которое иногда ассоциировалось со вполне реальными привилегиями, такими как освобождение от постоянной повинности²⁵. Ничего подобного, как представляется, в рассматриваемый момент, то есть в начале XIX в., уже не было. Отныне принцип независимости связан был уже не с соисканием «дворянского звания», но с утверждением свободы. Быть адвокатом – значило заниматься тем, что получило название «свободной профессии»²⁶.

Упразднив профессию адвоката и ее структуры, Революция, как мы видели, ускорила ее преобразование. Опыт открытой для всех защиты лишь укрепил убежденность в необходимости такой профессии как адвокат и ее организации в форме ассоциаций на местах – «коллегий». В 1804 и 1810 гг. Наполеон не просто восстановил адвокатов и коллегии времен Старого порядка; он создал новый вид деятельности, единообразно устроенный и структури-

²⁵ О средневековом и итальянском содержании этого понятия: *Gilli P. La noblesse du droit. Paris : Honoré Champion, 2003. См. также: Leuwers H. La robe révolutionnée. Quand les gens de loi renoncèrent à la noblesse du droit (1780-1810) // Vers un ordre bourgeois ? Révolution française et changement social / Sous dir. de J.-P. Jessenne. Rennes, 2007. P. 109-113.*

²⁶ *Leuwers H. L'invention du barreau français. P. 315-319, 334-335.*

рованный на всей территории страны. Разница была колоссальной. Однако это не всегда признавалось самими представителями профессии, которые, очень трепетно относясь к своей истории, начиная с 1814 г. стали добиваться более полного восстановления своих традиций... Однако не следует слишком доверять их словам: подобно тому как Наполеон был сыном Революции, адвокатура времен Империи и Реставрации отчасти также была плодом революционных потрясений.

*Перевела с французского языка
доцент РГГУ Ю.В. Ткаченко*

REFERENCES

- Burrage M.* Revolution and the Making of the Contemporary Legal Profession. England, France, and the United States. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Dalloz D.* Répertoire méthodique et alphabétique de législation, de doctrine et de jurisprudence. Paris : Bureau de la jurisprudence générale, 1847. T. 5.
- Derasse N.* La défense dans le procès criminel sous la Révolution et le Premier Empire (1789-1810) : les mutations d'une fonction et d'une procédure/ Thèse de doctorat. Lille II Dir. J.-P. Royer, 1998.
- Duvergier J.-B.* Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements, avis du Conseil d'Etat. Paris : A. Guyot et Scribe, 1834-1838. 30 vol. T. 1.
- Fitzsimmons M.* The Parisian Order of Barristers and the French Revolution. Cambridge (Mas.) and London: Harvard University Press, 1987.
- Gilli P.* La noblesse du droit. Paris : Honoré Champion, 2003.
- Halpérin J.-L.* L'impossible Code civil. Paris : PUF, 1992.
- Jallamion C.* Arbitrage forcé et justice d'Etat pendant la Révolution française d'après l'exemple de Montpellier // Annales historiques de la Révolution française. 2007. N 4. P. 70-77.
- Lafon J.L.* La Révolution française face au système judiciaire d'Ancien Régime. Genève : Droz, 2001.
- Lascoumes P., Poncela P., Lenoël P.* Au nom de l'ordre. Une histoire politique du code pénal. Paris : Hachette, 1989.
- Leuwers H.* Defence in Writing. The End of the Printed Legal Brief (France, 1788-1792) ? // Quaderni Storici. 2012. N 3. Dicembre. P. 723-744.

-
- Leuwers H.* L'invention du barreau français, 1660-1830. La construction nationale d'un groupe professionnel. Paris: Ed. EHESS, 2006.
- Leuwers H.* La robe révolutionnée. Quand les gens de loi renoncèrent à la noblesse du droit (1780-1810) // Vers un ordre bourgeois ? Révolution française et changement social / Sous dir. de J.-P. Jessenne. Rennes : PUR, 2007.
- Ozanam Y.* Les avocats parisiens dans le premier tiers du XIXe siècle : entre passé et présent, la recherche d'une identité collective // Elites et sociabilité au XIXe siècle. Héritages, identités / Sous dir. de H. Leuwers. Villeneuve-d'Ascq : CRHENO, 2001.
- Royer J.-P. et alii.* Histoire de la justice en France. 4e éd. Paris : PUF, 2010.
- Royer J.-P.* Parole d'avocat... Remarques sur la plaidoirie pénale, de la fin de l'Ancien Régime à la Révolution // Droits. 1993. N 17. P. 99-112.
- Thibaudeau A.C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. Paris : Baudouin frères, 1824. T. 2.